

Г. В. МАРКЕЛОВ

Письма Н. К. Гудзия к В. И. Мальшеву

Переписка Николая Каллиновича Гудзия с Владимиром Ивановичем Мальшевым началась в конце февраля 1946 г. В. И. Мальшев только что демобилизовался из армии и был принят на работу в Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки. В письме к Николаю Каллиновичу он сообщил о своей недавней замечательной находке — втором списке «Слова о погибели земли русской», обнаруженной в книжнице Рижской Гребеншиковской общины. Н. К. Гудзий, который, вероятно, не был еще лично знаком с В. И. Мальшевым, немедленно откликнулся на это известие:

«Многоуважаемый Владимир Иванович (пишу Ваше имя и отчество наугад) — прежде всего поздравляю Вас с ценной находкой. Очень интересно, каковы же последние строки „Слова о погибели“ сравнительно с текстом, опубликованным Лопаревым.¹ Где и когда Вы опубликуете свою находку? Каковы особенности редакции самого Жития? Благодарю Вас очень и за извещение меня и за присылку вырезки из газеты, которую мне, впрочем, еще раньше привезли из Ленинграда. О Вашей находке мне уже писала В. П. Адрианова-Перетц. В своем учебнике я в сущности повторил лишь соображения Серебрянского. Искренно желаю вам всяческих успехов в работе. Варвара Павловна с удовольствием писала мне, что Вы захаживаете к ней. Уважающий Вас Н. К. Гудзий». Из письма Николая Каллиновича можно предположить, что именно Варвара Павловна подсказала Мальшеву мысль начать переписку с Н. К. Гудziem. Переписка эта продлилась почти 20 лет — с марта 1946 по октябрь 1965 г. В фонде писем Владимира Ивановича в его архиве в Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся все письма Н. К. Гудзия, числом более 150. Кроме того, в библиотеке Владимира Ивановича имеется 10 книг Николая Каллиновича с дарственными надписями и большое количество оттисков его статей, также надписанных и содержащих теплые и дружественные пожелания.

Неоднократно Н. К. Гудзий и В. И. Мальшев встречались, ведь у них появилось много дел и тем для встреч, много общих друзей и знакомых. Из содержания писем явствует, как деловые отношения двух столь замечательных и столь разных ученых постепенно меняются, приобретая характер глубокой личной приязни и дружеской искренности. Несмотря на почти двадцатилетнюю разницу в возрасте, В. И. Мальшев очевидно был глубоко симпатичен Николаю Каллиновичу, и они, как можно судить по переписке, подружились.

¹ Лопарев Х. М. Слово о погибели Рускыя земли (вновь найденный памятник литературы XIII в.) // ПДП. СПб., 1892. Т. 84.

Одной из главных тем, если не главнейшей, в письмах Н. К. Гудзия к В. И. Малышеву была древнерусская литература и все, что связано с ней. Естественно, отразились в письмах различные этапы биографии обоих ученых. В письмах Н. К. Гудзия Владимир Иванович постепенно «преображается»: сначала рядовой сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, затем ученый секретарь Отдела, редактор трудов ОДРЛ, наконец, — собиратель и организатор Древлехранилища. Собирательская деятельность В. И. Малышева неизменно восхищает и радует академика Н. К. Гудзия. Для В. И. Малышева личность Н. К. Гудзия имела особое значение. Знакомство с именно «гудзиевским» изданием «Жития» протопопа Аввакума в 1934 г.² было первым толчком, приведшим Владимира Ивановича к Аввакуму. Естественно, что впоследствии обо всех своих находках текстов протопопа Аввакума Малышев рад был сообщить в числе первых именно Николаю Каллиниковичу. В 1951 г. Малышев публикует только что найденные им в фондах ГИМ и ЦГАДА неизвестные ранее тексты Челобитной и писем Аввакума. Оттиск своей публикации об этих находках Малышев отправляет Н. К. Гудзию.³ В ответ Николай Каллиникович писал (письмо от 26 августа 1951 г.): «Дорогой Владимир Иванович! Спасибо Вам за присылку оттиска. С волнением читал новые строки знакомой речи Аввакума. Это большая Ваша заслуга — нахождение новых (*нрзб.*) красочных, хотя и коротких произведений Аввакума. Я сам когда-то при издании своем его сочинений искал его текстов, но безрезультатно, а Вы вот все обогащаете новыми открытиями нашу древнюю литературу.

Крепко жму Вашу руку

Ваш Гудзий».

Любопытно, что в том же 1951 г. Н. К. Гудзий, как явствует из писем, прилагает немало усилий, чтобы помочь В. И. Малышеву в деле передачи коллекции древнерусских рукописей (речь идет о коллекциях В. Н. Перетца в ИМЛИ) из Института мировой литературы АН СССР в Пушкинский Дом. По ходатайству Н. К. Гудзия и В. П. Адриановой-Перетц эти собрания решением Президиума Академии наук переданы в Рукописный отдел Пушкинского Дома. Н. К. Гудзий помогал В. И. Малышеву знакомиться с крупнейшими московскими коллекционерами древнерусских рукописей. Благодаря рекомендации Николая Каллиновича Малышев подружился с Павлом Дмитриевичем Кориным, коллекционерами Маркушевичем, Кокоревым, Витте. Целый ряд общественных инициатив В. И. Малышева был также одобрен и поддержан Н. К. Гудзием. По письмам и откликам Н. К. Гудзия видно, как он приветствовал обращения Владимира Ивановича к советской общественности о необходимости собирания древнерусских рукописей, по поводу создания словаря-справочника по древнерусской литературе, организации группы по изучению древнерусской литературы в Институте мировой литературы. Много писем Н. К. Гудзия 1950-х гг. посвящено предполагаемому проекту совместного с В. И. Малышевым издания сочинений Аввакума. Гудзий же рекомендует В. И. Малышеву и других «аввакумоведов», например, он знакомит в 1953 г. Малышева с Виктором Евгеньевичем Гусевым, опубликовавшим в Челябинске «аввакумоведческую» статью.⁴ С В. Е. Гусевым Малышев потом всю жизнь поддерживает самые добрые отношения.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1934. Малышев В. И. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем // Докл. и сообщ. филол. ин-та ЛГУ. Л., 1951. Вып. 3. С. 255—256.

Гусев В. Е. Житие протопопа Аввакума как художественное произведение // 2-я конференция научных работников Челябинской обл. Челябинск, 1948. С. 29—33.

С неослабевающим вниманием относится Н. К. Гудзий и к научно-исследовательской деятельности В. И. Малышева. В 1954 г. В. И. находит и исследует текст «Повести о Сухане»,⁵ делится своими наблюдениями с Николаем Каллиниковичем. В ответ тот пишет подробное письмо, в котором соглашается с оценкой Повести, данной Владимиром Ивановичем, разбирает и критикует некоторые положения работы археографа. В марте 1956 г. Владимир Иванович защищает кандидатскую диссертацию, одним из официальных оппонентов на ней выступает Н. К. Гудзий. Кстати, он же немало способствует Владимиру Ивановичу в том, чтобы ВАК освободила уже немолодого ученого от сдачи кандидатских экзаменов. В эти годы взаимоотношения Н. К. Гудзия и В. И. Малышева приобретают вполне доверительный характер. Вот письмо Н. К. Гудзия от 30 июля 1956 г. Академик пишет: «Мне было очень приятно получить от Вас письмо здесь в Переделкине, где я веду поистине страдальческую жизнь: я поселился в этом рабочем уголке для писания двух докладов о Франко — для Москвы и для Киева». И далее: «Вы, конечно, понимаете, что значит прежде всего написать юбилейный доклад на 40—50 мин., посвященный проблемам такого энциклопедического и плодотворного писателя, каким был Ив. Франко. Работаю как каторжанин без отдыха, почти без прогулки, часов до 2 ночи... Вообще мне везет: писатели, о которых я должен разглагольствовать письменно и устно (Толстой, Франко), родились в каникулярное или предканикулярное время...».

Спустя год Владимир Иванович затевает, среди прочего, переписку с Алексеем Михайловичем Ремизовым, сообщает писателю в Париж о наступающем 70-летию академика Н. К. Гудзия. И Ремизов пересылает письмо Н. К. Гудзию через В. И. Малышева. «Дорогой Владимир Иванович, — пишет Н. К. Гудзий в письме от 3 ноября 1957 г. — Спасибо Вам большое за пересылку мне письма А. М. Ремизова. Никак не ожидал такого лестного для меня поздравления от лица его. Видимо, я Вам обязан не только тем, что Вы послали ему брошюру обо мне, но и тем, что замолвили обо мне доброе слово.

В ответ на поздравление меня я послал А. М. Рем-ву свое поздравление с его 80-летием (...) сказал ему несколько теплых и почтительных слов и сообщил, что в моей библиотеке имеется целых 25 книг его сочинений! Когда будете у меня, покажу их Вам. Как трогательно то, что Вы послали старику такие деликатные дары!..».

Однако уже через месяц А. М. Ремизова не стало. Тогда Малышев пытается подвигнуть общественность к тому, чтобы на родине хоть как-то откликнулись на кончину самобытнейшего русского писателя. Он обращается с просьбой к Н. К. Гудзию содействовать в публикации в «Литературной газете» некролога о А. М. Ремизове. В ответ Н. К. Гудзий сообщал Малышеву: «Я звонил Гасарьяну, ведающему в Л. Г. художественной литературой, но на мои несколько звонков никакого отклика не последовало. Других сотрудников Л. Г. я не знаю, да, откровенно говоря, не было у меня большой охоты разговаривать с ними после того, как Л. Г. напечатала целый трактат гнуснейшего содержания Софронова (...) По разным мотивам неудобно мне прибегать и к посредничеству Чуковского и Маршака (...) Возможно, что не в плане Л. Г. теперь давать хотя бы информацию о смерти наших зарубежных писателей. Бог с ними!..».

Доброта, отзывчивость, стремление помочь людям были свойственны и Гудзию и Малышеву. Оба они приняли участие в хлопотах в ВАКе о

присвоении докторской степени без защиты (по совокупности трудов) известному ленинградскому ученому Владимиру Валерьяновичу Данилову. Гудзий по просьбе Малышева настойчиво справляется в ВАКе о «деле» В. В. Данилова. Наконец 16 октября 1958 г. Гудзий пишет Владимиру Ивановичу о результатах: «Сегодня (...) неожиданно и крайне огорчительно для меня в ВАКе ответили мне, что дело это обернулось для В. В. неблагоприятно. (...) Мотивировка такая, что о присвоении степени В. В. ходатайствуют больше из-за его преклонного возраста, чем в воздаяние за его научные заслуги. Указано было, что в 1947 В. В. уже однажды присвоена была кандидатская степень без защиты диссертации, и присуждать ему докторскую степень, якобы за те же труды, нет оснований. (...) Вот как безобразно все дело окончилось. Но пусть В. В. не принимает близко к сердцу эту неудачу. Представление Института мировой литературы к докторской степени Корнея Ивановича Чуковского было также отвергнуто сначала президиумом ВАКа, а затем, в результате протеста, передано в Экспертную комиссию, и все окончилось для Чуковского благополучно...».

В письмах Н. К. Гудзия к В. И. Малышеву затрагиваются и глубоко личные темы. Все мы прекрасно помним, как подчас резко менялось настроение у Владимира Ивановича. Гудзий стремился всегда ободрить, поддержать в грустные минуты своего корреспондента и друга. В письме от 8 января 1961 г. он писал: «Дорогой Владимир Иванович. (...) Поздравляю Вас с новосельем. Ваше желание со временем поступить в Псково-Печерский монастырь очень понимаю. Я был там в 1949 г. (...) Разумеется, Ваше желание понимаю как эмоцию темпераментного человека. Попасть в этот монастырь, произведший на меня большое впечатление с его катакомбами, в которых установлены гробы, в глубокую старость, к которой я приближаюсь, хорошо не для молитвы (куда уж нам!), а для сосредоточения, очень глубокого, мудрого и поэтического, и для духовной гимнастики в безбурном житие. Средневековые ученые всюду в монастырях создавали свои шедевры. Но все это, конечно, маниловские мечтания. В реальной же действительности мы рабы своих плановых работ, заседаний, лекций, отчетов и т. д. (...) Жена моя — Татьяна Львовна, которая очень симпатизирует Вам и чтит Вас, кланяется Вам и просит взять ее с собой, когда вы отправитесь в монастырь, хотя бы в качестве просфирни. Ей, как и Вам, не по душе „мирская жизнь“.

Крепко жму Вашу руку

Ваш Н. Гудзий».

Николая Каллиниковича неизменно восхищала собирательская подвижническая деятельность В. И. Малышева. В одном из писем (от 7 сентября 1962 г.) он замечает: «Прочел статью Вашу со вниманием и с пользой для души и для ума. Самому захотелось после прочитанного побывать в Пустозерске. Какой Вы, однако, неугомный. Если бы Вы были современником Аввакума, были бы его союзником и разделили бы его судьбу!...».

Судьба Малышева оказалась иной, но всегда, когда заходит речь об Аввакуме, тут же рядом вырисовывается облик Владимира Ивановича, представителя Аввакума на земле, как образно выразился один из его друзей.

Между тем годы делали свое дело. Николай Каллиникович все реже и реже обращался к непосредственным занятиям с древнерусскими рукописями. Так, рукописями Древлехранилища он пользовался только один раз в 1957 г. при подготовке к изданию исследования «Повести о Григории папе римском».⁶ Но интенсивность переписки Гудзия с Малышевым

Гудзий Н. К. Новые редакции повести о Папе Григории // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 177—191.

не ослабевает. И, обмениваясь даже краткими почтовыми открытками, Малышев и Гудзий как бы сигнализировали друг другу, что они еще в прежних отношениях, что дружески привязаны друг к другу, хотя болезни уже на пороге и силы не те.

Вот одно из последних писем Николая Каллиниковича Гудзия к Владимиру Ивановичу Малышеву, точнее, предпоследнее письмо (ровно за месяц до его кончины):

«Дорогой Владимир Иванович! Думаю, что в половине октября я буду в Москве, если меня не засадят в какую-нибудь санаторию. Дело в том, что в последнее время я довольно скверно себя чувствую: одышка при малейшем напряжении, отек ног. Видимо, сердце сдает... Вообще дома у меня довольно мрачно. Еще хуже меня чувствует себя жена Татьяна Львовна, брат в больнице в ожидании не то радикального удаления папиломы, не то операции — неизвестно с каким результатом.

Последние две недели я занят был разгрузкой своей библиотеки: свыше 30 мешков книг, без которых я могу обойтись, передал в основной фонд библиотеки МГУ — с тем, чтобы по отбытии земного своего пути вся моя библиотека помещена была в особом кабинете под командой лаборантки. В этом кабинете должны заниматься студенты, аспиранты, преподаватели. Литературы хватит на всех.

Ваше письмо со скорбной, очень человеческой характеристикой М. Н. Тихомирова я в свое время получил, но не откликнулся тотчас по нездоровью. Вечная ему память!

Получил и вырезку об Аввакуме из „Русских новостей“. Интересна и даже увлекательна глава „Имени Аввакума“.

Прочел с огромным интересом и Вашу публикацию Исповеди Ивана Филиппова в XI т. [ТОДРЛ].

Итоги — до возможной и желанной встречи в октябре.

Ваш Гудзий».

Встречи, однако, не состоялось: вскоре после этого письма Николая Каллиниковича Гудзия не стало.

Владимир Иванович лишился одного из близких по духу друзей. Он сильно переживал кончину Н. К. Гудзия. А свидетельством его добрых отношений с академиком остались книги и письма, которые В. И. Малышев получал уже впоследствии от вдовы Николая Каллиниковича Татьяны Львовны и его сестры Анны Каллиниковны.